

ПОСТ

Оригинал здесь: [Электронная библиотека Яблучанского](#).

Деревенская усадьба, начало марта, первые недели великого поста.
Дни темные, однообразные.

Но это уже канун весны.

Я живу затворником, за работой с утра до вечера,

- "Се тебе, душа моя, вверяет владыка талант: со страхом приими дар".

Нынче я опять не заметил, как прошел мой день.

Но вот темнеет, синеет за окнами.

Усталый, умиротворенный, я кладу перо, мысленно благодаря бога за силы, за труд, одеваюсь и выхожу на крыльцо.

Сумерки, тишина, сладкий мартовский воздух...

Я иду по деревне, додумываю свои думы, укрепляя свои тайные вымыслы, но все вокруг вижу, зорко все замечаю и чувствую - всему открыто мое сердце, мои глаза.

Ах да, канун, канун.

Даже в зимней угрюмости этих сумерек уже есть весна - в их чуть зримой синеве.

Зыбки серые снега полей за деревней, избы в деревне чернеют смутно, нигде ни одного огня.

Темно и в усадьбе, на которую гляжу я, возвратившись из деревни.

За усадьбой облаками темнеет под хмурым небом сад.

Но и в этом весна - в том, что так поздно не зажигают в деревне огней и что сад похож на тучу, что так хмуры и небо и вершины сада.

На выгоне - церковь, там служба.

Я подхожу и различаю у церковных ворот парные сани, крытые старым ковром, помещицы.

Тут же, у коновязи, - мужицкие лошади в дровнях, мелкие, лохматые, за зиму обросшие густой шерстью.

На снегу возле них - клоки сена, перебитого с конским навозом, и все это пахнет свежо, сыро, по-весеннему.

Полевым, нелюдимым гулом гудят голые тополи, возвышающиеся над церковной оградой.

На глазах с каждой минутой темнеет - лица проходящих в церковь уже плохо видны, - к ночи поднимается легкая замять, и в гудящих метлах тополей есть что-то строгое, жуткое.

За воротами, в затишье, воздух мягче, но порой церковный двор сереет от поземки, ограда дымится, и по моему лицу пробегает холодная снежная пыль.

Когда на высоком каменном крыльце церкви отворяются двери, видна, за черными сенями, ее внутренность в немногих красных точках огней.

Поднявшись на крыльцо, чувствую тот сложный, особый запах, что бывает только на папертях русских церквей, ранней русской весной.

В церкви густое и пахучее церковное тепло, темная стена народа и свет за нею.

Там, у большого священника, стоит девушка, та, чьи сани я видел за воротами.

Она бледна, свежа и так чиста, как бывают только говеющие девушки, едва вышедшие из отроческого возраста.

Ее серо-голубое платье приняло от блеска свечей зеленоватый, лунный тон.

На спине лежит черная коса. Озарен нежный овал лица и густые ресницы, поднятые на образа иконостаса.

От каких грехов очищается она постом, стояниями, своей бледностью?

Что за чувства у меня к ней?

Дочь она мне? Невеста?

В темноте возвращаюсь домой и провожу вечер за книгой, в мире несуществующем, но столь же разделенном со всем, чем втайне живет моя душа.

Засыпаю с мыслью о радостях завтрашнего дня о радостях своих вымыслов.

Ей, господи, не даждь ми духа праздности, уныния. Больше мне ничего не надо. Все есть у меня, все в мире мое.